Редкая птица

Автор:
Михаил Марголис

Редкая птица

Михаил Михайлович Марголис

Подарочные издания. Музыка

Диана Арбенина, пожалуй, самая загадочная женщина на нашей сцене. Тысячи фанатов, которые горячо преданы ей много лет, ждут этой книги очень давно. Это единственная авторизованная биография группы «Ночные Снайперы», созданная при участии самой группы и лично Дианы Арбениной. Часы разговоров, воспоминаний, обсуждений, и вот – восстановленная для любимого читателя история, которая ожила к огромному концерту «Ночных Снайперов» в Москве.

Книга полна фотографий: здесь архивные фото Дианы, концертные съемки и множество живых, закулисных моментов. Это позволит посмотреть на события в книге глазами самой Дианы.

Михаил Марголис – один из самых крутых музыкальных журналистов, близкий друг Арбениной, человек тонкого вкуса. Ему удалось создать уникальную и честную историю, в которой будет много неожиданных поворотов.

Михаил Марголис

Редкая птица. Первая авторизованная биография Дианы Арбениной и группы «Ночные Снайперы»

Благодарим за предоставленные фото фотографов:

Елизавету Канунникову, Беллу Рич, Ольгу Алексееву, Серафиму, Дамира Жукенова, Аслана Ахмадова, Дину Журавлеву

Остальные фотографии предоставлены пресс-службой «Ночных Снайперов»

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© РИА Новости, Сергей Пятаков, Евгения Новоженина / РИА Новости;

© Сергей Соболев / Фотобанк Лори

Фото на обложке Дамира Жукенова

© РИА Новости, Сергей Пятаков, Евгения Новоженина / РИА Новости;

© Сергей Соболев / Фотобанк Лори

© Марголис М., текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Девушки поют

Жанна, Настя, Янка – такова изначальная троица нашего женского рока, зазвучавшая лишь в позднесоветское, перестроечное время и разделявшаяся расстояниями в несколько часовых поясов. Агузарова заводила народ «От Москвы до Ленинграда…», Полева колдовала на Урале, Дягилева взрослела в Сибири. Никакого общения между ними не было. Влияния друг на друга они не оказывали. Можно вспомнить ещё питерский манерно-иронично-театрально-вокальный коллектив «Колибри». Но и эти девушки варились в своем соку и кругу. Другие леди страны «развитого социализма» в рок-н-ролл не играли. Во всяком случае, так, чтобы об этом знал кто-то, кроме их близких друзей.

Нюанс любопытный. Возможно, заслуживающий отдельного обсуждения. Хотя бы потому, что в мировой рок-музыке ничего подобного не наблюдалось. И на эпохальном Вудстоке полувековой давности, и в следующие десятилетия женщины различной харизматики и темперамента не просто на равных делили рок-сцену с мужчинами, но часто обретали тот же звездно-легендарный статус, что и представители «сильного пола». Дженнис Джоплин, Джони Митчелл, Патти Смит, Грейс Слик, Крисси Хайнд, Дебби Харри, Нико, Тина Тёрнер, Нина Хаген, Энн Леннокс, Сюзи Кватро, Ким Гордон, Доро Пеш, Сьюзи Сью, Стиви Никс, Мишель Филлипс, Энн и Нэнси Уилсон… Перечислять можно долго и с упоением. Но это было там, «на Западе». В русском роке фактически до конца второго тысячелетия царил тотальный патриархат.

Многие советские парни не только «торчали» от битлов, роллингов, цеппелинов, перплов, Хендрикса, Дилана, Боуи, Заппы, Velvet Underground, Clash, Cure, Police и т. д., они пробовали «сделать так же». У наиболее талантливых получилось

через копирование, эпигонство прийти к собственному языку и стать в своем отечестве кумирами, властителями дум, голосами поколения и т. п. БГ, Макар, Цой, Шевчук, Кинчев, Майк, СашБаш, Летов, Ревякин, далее, как говорится, по списку. С девушками советскими такого не происходило. В рок-среде они обретались либо среди публики, либо в качестве подруг конкретных музыкантов и групп. Примечательный момент, когда в 1980-х популярной программе отечественного ТВ «Музыкальный ринг», единственной, предоставлявшей эфир для творческих сражений «неформальным» рок-исполнителям, потребовалось найти соперницу Жанне Агузаровой, из Польши пригласили вокалистку Малгожату Островску. В СССР для «дуэли» с популярной солисткой «Браво» просто некого было подобрать, учитывая формат передачи. Чуть раньше, правда, на «ринге» сошлись Ирина Отиева и Лариса Долина. Но тут речь шла о двух профессиональных оркестровых солистках, а вовсе не о «выходившем из подполья» со своим авторским материалом андеграунде.

Земфира и Диана

В постсоветской истории ситуация изменилась быстро и кардинально. До гендерного паритета в русском роке, конечно, не дошло (и вряд ли когда-нибудь дойдет). Однако сформировать (при желании) броский лайн-ап для фестивальной афиши исключительно из популярных рок-исполнительниц стало возможно уже на пороге миллениума. Земфира, Диана Арбенина, Светлана Сурганова, Хелависа, Маша Макарова, Ольга Арефьева, Юлия Чичерина. Называю лишь тех, кто достиг разной степени звездности с собственными сочинениями. А в следующие десятилетия к этому списку никто, в общем-то, и не добавился. Хотя пытались многие. Скажем, в условной «второй плеяде» появились: Мара, Татьяна Зыкина, Женя Любич, Саша Чугунова из группы «Муха», Катя Павлова из «Обе две», ещё несколько имен. Но вряд ли стоит говорить о многочисленности их поклонников и влиянии на молодых коллег по сцене.

Нынче громко звякнула Монеточка, пошуршала Гречка, будут и новые гостьи из Сети. Но сколь протяженным и заметным окажется их творчество после первого хайпа – пока непонятно. Выходит, женский рок в России – это прежде всего привет от пламенных 90-х. Самого свободного и непредсказуемого периода в новейшей отечественной истории. Героини, стартовавшие тогда, и сейчас,

слава богу, живы-здоровы. Никто из них не угодил в пресловутый «клуб 27», не ушёл в бизнес или монастырь, не сместился в иную «стилевую нишу». Они по-прежнему поют. Хотя контрасты между ними с годами все ощутимее. Одна, по праву получив корону, предпочла сохранить свою исключительность и возможность жить «вне графика», выйдя из гастрольной гонки. Другая, после изрядной паузы, опять придумывает новое, но понимает, что удерживается на плаву все равно за счет своих дебютных работ двадцатилетней давности. У третьей постепенно образовалась специфическая, герметичная аудитория, принципиально расширить которую вряд ли возможно. Четвертая вдруг потерялась в воинственном патриотизме и т. д.

В постсоветской истории ситуация изменилась быстро и кардинально. До гендерного паритета в русском роке, конечно, не дошло.

Маша Макарова

Из всех вышеназванных дам самый стабильный ход (словно по давным-давно составленной «дорожной карте»), без торможений, только вперед и вверх, демонстрирует Диана Арбенина. В 2018–2019 годах аншлаговыми стадионными шоу она отметила четвертьвековой юбилей своих «Ночных Снайперов» и фактически без паузы ринулась в интенсивный тур «The best»: от Испании до Австралии, от Прибалтики до Северного Кавказа и Дальнего Востока. 2020-й «снайперша» займет новым странствием в поддержку своего десятого студийного альбома «Невыносимая легкость бытия», изданного в день ее 45-летия. Такие площадки и масштабы среди наших рок-певиц подвластны только Арбениной и Земфире. Но когда последняя вновь захочет высказаться и захочет ли – вопрос. Студийных альбомов Земфира не выпускает уже семь лет, в концертные туры не ездит четыре года, две ее новые песни, появившееся в конце 2019-го, выглядят личным ответом кому-то близкому, и пока не факт, что они – предтеча новой пластинки. А Диана несется со скоростью «Сапсана», не озираясь ни на кого, кайфуя от собственной гиперэнергетики, востребованности и кажется обретенной постепенно независимости. Однажды она мне сказала: «Я живу как хочу. Выпускаю пластинки, книги, отмечаю свои даты. И ничего не делаю специально, не напрягаюсь. Вообще, у меня давно

сложилось ощущение, что я могу в любой момент встать и уйти из музыки, без всякой стратегии, расчёта, выгоды. Я всегда заработаю на еду себе и своим детям. Потому что у меня за спиной не озарения судьбы, когда вдруг просыпаешься знаменитым, а немалый путь, который включил в себя освоение многих суровых профессий, например работу в стройбригадах. И я тот опыт не забыла, что даёт мне стойкость и определенный пофигизм».

Во мне действительно бешеное количество энергии, и из неё постоянно рождаются новые песни. Зачем мне это скрывать, зачем прятать?

Вряд ли Арбениной придется ещё когда-нибудь заниматься пролетарским трудом. Разве что она захочет лично заменить пару-тройку кирпичей в стене своей загородной двухэтажной студии. А вот смесь стойкости и пофигизма – средство всегда полезное, особенно для самодостаточной, но пылко влюбляющейся и порой соскальзывающей в психологические кюветы артистки. Она вообще, как мне кажется, с годами осознанно стала культивировать дерзкую самоуверенность. «Раньше я никогда не задумывалась о стадионах, дворцах спорта. Не то чтобы сомневалась, смогу ли собрать большую аудиторию на свои сольники, просто не было таких амбиций. Более того, долгое время стеснялась, что пишу песни. Опять же не потому что считала их плохими. Напротив: всегда была о них высокого мнения. Но даже показывая новый материал своим музыкантам, почему-то испытывала некоторую неловкость. Иногда комкала слова, чтобы не заострять на них внимание. А сейчас удивляюсь: чего стеснялась? Вокруг звучит такое количество шлака. Люди преспокойно выкидывают на рынок полную ерунду, преподнося ее как откровение. Вешают людям лапшу на уши, а я все терзаюсь вопросом: с какой стати? Кто дал им право обманывать людей? Что до меня, во мне действительно бешеное количество энергии, и из неё постоянно рождаются новые песни. Зачем мне это скрывать, зачем прятать? Мне надоело. Такого больше не будет. Хватит! Что касается появления других исполнительниц – мне все равно. Меня самой для себя так много, что недосуг следить, за тем, кто там ещё запел. Да пойте, ради бога. Талант я распознаю сразу, и мне в кайф, когда я вижу по-настоящему классных ребят и девчонок. И я всегда прекрасно понимала: кто насколько пришел.

Диана с мамой

Глава 1

Едем в Магадан

Белорусской Диане выпало чукотское детство, магаданская юность и шальная университетско-тусовочная молодость в геометрии питерских коммуналок. Шарады ее судьбы были не так элементарны, чтобы девушка гарантированно двинула к правильным маякам. Могла и заплутать. Весьма прозаические (зато казавшиеся надежными) жизненные расклады, предлагаемые Диане Кулаченко ее родителями (прежде всего мамой Галиной Анисимовной), будущую «снайпершу» не устраивали априори. Окончить факультет иностранных языков Магаданского пединститута и поехать, к примеру, на Аляску, обучать «великому, могучему, правдивому и свободному» (по мнению Тургенева) русскому языку иностранцев, собирающихся «делать бизнес» с постсоветской Россией, или «устроиться в какую-нибудь нефтяную компанию», что это за перспектива для той, которая «заболела музыкой, услышав нашу Дженнис Джоплин – Янку Дягилеву». И «тут не о вокальных данных речь, а о безбашенности. Эта девочка, так рано и странно ушедшая из жизни, для меня № 1 до сих пор. «Я повторяю десять раз и снова, никто не знает, как же мне х…». Меня пронзала честность ее песен, я слушала их в начале 90-х постоянно».

Диана с мамой, 1975

Тогда же, к своим 19 годам, Диана уже основательно жаждала вырваться из Магадана «на материк». Но не по маминым ориентирам, а совсем в другую

сторону. Так и вышло, притом с лихим сюжетом, прелюдией к коему были Дианины поиски себя в скупых пейзажах каторжных краев, среди типовой советской архитектуры, куда доносились отзвуки «большой земли» и рок-н-ролла. «Кто-то привозил кассеты с новой музыкой. Я много слушала, знала, запоминала».

Ещё один характерный факт для русского рока. Самые харизматичные его женщины (за исключением, пожалуй, Хелависы) росли далеко от столиц и тёплых регионов. Уфа, Свердловск (то бишь Екатеринбург), Новосибирск, город Верхняя Салда Свердловской области, поселок Колывань Новосибирской области – довольно суровый географический перечень. У Арбениной он ещё брутальнее. После рождения в белорусском Воложине, последовали чукотские и колымские поселки Нагорный, Лаврентия, Ягодное, города Анадырь, Магадан. О таких местах пелось в знаменитом «Окурочке» Юза Алешковского: «Ты во Внуково спьяну билета не купишь, чтоб хотя б пролететь надо мной…» Диана тоже в своем главном хите отметит их отдельной строкой: «…куда в любое время не доходят поезда…». В общем, почти островная изолированность от событийных центров (и так-то в закрытой стране). Зато семья у Дианы была интеллигентская, журналистская, обеспечившая ей, если хотите, определенный иммунитет от обывательщины и скуки, сожравшей многих в тех широтах.

На Крайнем Севере Диана очутилась в «олимпийском» 1980-м. Пока в европейской части СССР бравурно стремились «всем рекордам наши звонкие дать имена», обсуждали «зачищенную» на время Игр от «нежелательных элементов» Москву и появившиеся на тот же период в некоторых столичных магазинах финские продукты, шестилетняя девочка осваивалась там, где из точки А в точку Б, через сотни километров безлюдья, можно добраться только на вездеходе или вертолете. Не дождавшись в Белоруссии обещанной начальством собственной жилплощади, родители Дианы откликнулись на призыв своего чукотского друга, который гарантировал им материально более привлекательную журналистскую работу и сносные бытовые условия на противоположном конце советской империи.

«Вместо того, чтобы после окончания факультета журналистики Белорусского университета остаться в Минске (а приглашали меня в разные СМИ), я выбрала маленький городок в Западной Белоруссии. Там, в Воложине, и родилась Диана, – вспоминает Галина Федченко. – Там среди местных жителей было много тех, кто исповедовал католицизм, кто не смирился с «Советами» и откуда мы за несколько часов добирались до навсегда полюбившихся Вильнюса, Каунаса, Друскининкая. Но быт в Воложине был неустроенным – мы с мужем, тоже журналистом, и маленькой дочерью снимали комнату в доме без удобств, а получить собственное жилье нам не светило. И тут однажды в гости приехал мой давний друг Лёня, работавший тогда корреспондентом газеты на Чукотке. Его рассказы о тех краях так нас зацепили, взбудоражили воображение, что колебались мы недолго. Далекие края меня не пугали. Ведь я родом с Сахалина. И это было моей давней мечтой – увидеть свою малую родину. Но увидела я ее спустя много-много лет и только благодаря моей дочери. На гастролях (я работаю в группе «Ночные Снайперы»), было это три года назад. И я хочу сказать спасибо Диане за слёзы радости, когда я сквозь стекло иллюминатора увидела синие сопки Сахалина…»

Средняя школа

И для маленькой Дианы получалось занятное приключение. Иные ландшафты, новые лица, знакомства, дружбы – сначала детсадовские, затем школьные. Только быстро прозвучала грустная нота – семья распалась. Диана училась во втором классе, когда ее мама внезапно обрела новую любовь. «Мы жили тогда в поселке Нагорный на Чукотке. И отцу предложили работу в магаданской газете. По сути, реальное повышение, карьерный рост, – говорит Арбенина. – В те времена перевестись в большое областное издание считалось очень круто. Он полетел в Магадан, дабы обосноваться там и вскоре забрать нас. Но после его отъезда мама познакомилась с Александром Васильевичем. Они поцеловались на какой-то вечеринке, влюбились друг в друга, и все моментально решилось. Мама сообщила отцу, что расстается с ним и в Магадан не поедет».

Зато семья у Дианы была интеллигентская, журналистская, обеспечившая ей, если хотите, определенный иммунитет от обывательщины и скуки, сожравшей многих в тех широтах.

Папа – Сергей Иванович

Такие ситуации нередко бьют по детской психике. Однако Диана оказалась не по годам фаталистичной. «Будучи восьмилетней девочкой, я просто приняла все как данность. Приняла достаточно легко. Если мама решила, значит, так и должно быть. Я ни в чём ее не упрекала. А папу жалела. Запомнились его переживания, когда он вернулся из Магадана. Для него расставание получилось очень болезненным. Обратно в Магадан он не поехал. Остался в Нагорном, и некоторое время, в общем-то, не занимался карьерой».

Сергею Ивановичу Кулаченко пришлось не только отказаться от места в магаданской газете, но и приготовиться к тягостной разлуке с дочерью. Ее увозили все дальше от него. Один поселок, другой, третий. В итоге она оказалась в том самом Магадане, куда собирался привезти ее он.

«Я с отцом после развода родителей долго не виделась, – рассказывает Диана. – Мы только переписывались. Он присылал длинные письма, иногда со стихами Цветаевой, еще чьими-то. Папа – классный, я его люблю. Он научил чувствовать музыку. В отличие от меня, у него идеальный слух. Он много фотографировал, являлся хорошим оператором (сейчас, правда, забросил это занятие), разбирается в поэзии. Все тонкое, ранимое в моей натуре – от него. Если я плачу, это плачет во мне отец. Когда я сильная – это мама. Никак иначе».

Они поцеловались на какой-то вечеринке, влюбились друг в друга, и все моментально решилось. Мама сообщила отцу, что расстается с ним и в Магадан не поедет.

Отношения с новым маминым мужем, хирургом Александром Федченко, у Дианы сложились без проблем. «Мы тут же стали общаться, дружить. Я, кстати, не называла и не называю его отчимом. Он для меня – тятя. Такой старинный, сибирский эквивалент слова «папа». Но обращаться к нему именно «папа» я бы никогда не смогла, потому что это предательство по отношению к моему родному отцу. А «тятя» как-то примиряло со сложившимися обстоятельствами».

В Нагорном, по воспоминаниям Дианы, не все были столь толерантны, как она сама. Одной из причин скорого отъезда оттуда стало то, что «поселок очень маленький, и мама с тятей периодически становились объектами пересудов». На советском сленге это называлось «шили аморалочку», поскольку речь не просто о бурчании соседей, а о реакции «трудового коллектива». «Ведь и я, и мой второй муж были, так сказать, руководящими работниками – я в редакции, он в больнице, – а для их репутации «запретная любовь» была смертельно опасна. И мы решили уехать, точнее – улететь. Хотя мне до сих пор жаль, что пришлось тогда оставить этот северный посёлок. Горстка белых многоэтажек у подножия сопок, которые тянутся вдоль Берингова моря, улицы, продуваемые ветрами и пургами, и свет огромного фонаря в центре, который все звали чукотским солнцем».

Диана со вторым отцом, Александром Васильевичем

Время показало, что чукотские моралисты заблуждались. Чета Федченко уже 35 лет вместе. Через четыре года после их встречи у Дианы появился младший брат Антон, и встретила она его радостно и заботливо. «Значит, все было правильно, – уверена Арбенина. – Поэтому никогда не считала, что мама предала моего папу. Предательство – это совместная жизнь без любви. Когда говорят: они друг друга давно не любят, но живут вместе из-за детей, я думаю: а что, дети такие наивные, что не чувствуют?.. Они не понимают, какие на самом деле отношения между родителями? Их радует такой обман? Ерунда же! Жить нужно только с тем, кого любишь».

Чукотский исход завершился для Дианы в Магадане, где Галина Анисимовна оказалась в штате той самой «Магаданской правды», в которую ранее приглашали Сергея Кулаченко.

«У каждого есть моменты в судьбе, которые спустя годы не только детализировать, но и вспоминать не хочется, – говорит Галина Федченко. – Скажу только, что, познакомившись, я и папа Дианы сразу нашли друг в друге единомышленников. У нас много общего в оценках разных событий, например, политических. Взаимопонимание было с полуслова. Мы сохраняли бы хорошие отношения всегда, оставайся они просто дружескими. Но они стали еще и семейными. Мы ведь как-то спонтанно решили пожениться… А спустя какое-то время мне становилось все более понятно, что нельзя обманывать себя. И что сохранять семью, где у одного, а может быть, у двоих, нет тех чувств, которые делают эту семью счастливой, это ни к чему хорошему не приведёт. Наступил момент выбора, и я выбрала. Я начала другую жизнь. С другим человеком. Мы и сейчас вместе. Диану он называет «моя средняя», имея в виду, что дочь Наташа от первого брака – старшая, Диана – средняя, а их брат – младший».

С отцом Диана вновь увиделась только по окончании восьмого класса: «Мама отправила меня к нему на каникулы. И мы провели лето вместе. Почему они не делали так раньше? Не знаю. Не помню, чтобы я просила об этом».

У Галины Анисимовны точного ответа тоже нет, но уж точно то, что ни она, ни Александр не препятствовали общению Дианы с отцом. «Понимаете, мы же после отъезда из Нагорного остались на Севере, а Дианин папа вскоре уехал в Минск. И встречаться с ним Диана не могла так часто, как всем хотелось бы. Ведь северяне ездят в отпуска один раз в два-три года. К тому же после нашего разрыва ещё много лет оставалась напряженная атмосфера, контактов между мной и Сергеем не было вообще. Но (и это здесь самое главное!) мы с мужем ВСЕГДА воспитывали у Дианы не только культ воспоминаний об отце, но и дочернюю любовь к нему. Мы не забывали напоминать, чтобы она отвечала на его письма и сама их писала. Изредка они общались по телефону, что в те времена было непросто. Связь плохая, о мобильной связи вообще никто и не мечтал. Но когда через семь лет мы приехали в длительный отпуск на «материк», я сделала так, чтобы они встретилось».

К Сергею Ивановичу приехала тогда почти взрослая дочь. У которой уже были школьные драки, «первый поцелуй», «первая сигарета» и множество

прочитанных книг, так или иначе на нее повлиявших. «Мне нравилось что-то у Франсуазы Саган, Айрис Мёрдок (представь, я долгое время считала, что это мужчина). Но в целом женская проза, в отличие от мужской, меня не особенно цепляла. Хемингуэй, Фицджеральд – это моё. Я переживала, что в жизни Фицджеральд полюбил барышню с таким невыносимым характером. Возможно, даже ревновала. Почему нет? Мне очень близка та эпоха «потерянного поколения». Поэтому нравится фильм Вуди Аллена «Полночь в Париже», где главный герой как раз переносится из наших дней в то время и общается с тем же Фицджеральдом, с Хемингуэем, Гертрудой Стайн. В Ремарка я была просто влюблена. Тут, кстати, история, обратная той, что была с Мёрдок. Мне сначала казалось, что Эрих Мария Ремарк – женщина. Имя как-то вводило в заблуждение. И я сильно из-за этого переживала. Но мне в ту пору было лет 13–14, так что сейчас не стыдно признаться. Все эти писатели близки мне до сих пор. Боюсь только судьбы Хемингуэя, ибо старость – главное испытание в жизни. Я не умею быть немощной и лучше, наверное, покончить со всем, чем мучить близких и себя.

А писать стихи начала благодаря Бродскому. Без него, наверное, как поэт я бы не состоялась. Он спровоцировал на то, что в стихотворениях можно выражать не столько чувства, сколько мысли. Я в своей поэзии прежде всего – думаю. Поэтому у меня часто складывается ощущение, что мои стихи суховаты, логичны, в чем-то непонятны даже мне самой. В них мало сентиментальности. Но люди, оказывается, совершенно по-другому их воспринимают. Вот при написании песен действуют свои законы. Например, внешние события практически не влияют на их рождение. Я – эгоцентрик, мне с собой кайфово, поэтому в основном интересуюсь собственным внутренним миром. И мне никогда не бывает скучно».

Мы с мужем ВСЕГДА воспитывали у Дианы не только культ воспоминаний об отце, но и дочернюю любовь к нему. Мы не забывали напоминать, чтобы она отвечала на его письма и сама их писала.

Глава 2

Самоубийство отменяется

За полтора десятилетия до получения звучной российской премии «Триумф» как «композитор и поэт» старшеклассница Диана (ей, к слову, «долгое время не нравилось собственное имя», но постепенно она «в него въехала и полюбила») никаких песен и стихов не сочиняла. Она «просто гуляла» по блёклым улицам райцентра Ягодное без определенных целей даже на ближайший период. Разве что «хотелось скорее выйти из школы», вгонявшей в тоску ежедневной однообразностью. Вне учебного заведения открытий совершалось значительно больше. «У меня возникла одна любовь, затем другая, – рассказывает Арбенина. – Я стала интенсивно слушать много разной музыки.

На школу забила совсем. Списывать было стыдно, но приходилось, поскольку я ничего по программе не знала. Только сочинения писала нормально. И ещё с физкультурой все складывалось. При этом учителя прекрасно понимали, что плохо учусь я не из-за тупости, а от отсутствия желания. Контрольные списывала у своего классного друга Максима Шейко, носившего модные слаксы горчичного цвета. Мы сидели всегда на «втором варианте», он – передо мной. Под партой мне передавался назад нужный лист или тетрадь. Я даже не просила об этом. Все происходило само собой, по умолчанию. Недавно узнала, что он погиб, его сбила машина…»

То, о чем поется в сентиментальных песнях про «последний звонок», расставание с юностью, и остается для некоторых ярким моментом в жизни, Диана Кулаченко проскочила вообще без эмоций. «Свой выпускной вечер я совсем не запомнила. Не скажу даже – выпивала там или нет». Получив «троечный аттестат с несколькими четверками», девушка намеревалась и дальше «бродить по улицам, слушать музыку, просто жить». На вопросы родителей: чего и куда она хочет, давались исчерпывающие ответы: «ничего, никуда». Галина Анисимовна все же отыскала брешь в Дианиной индифферентности относительно собственного будущего и рекомендовала дочери поступать в магаданский педагогический университет – на факультет иностранных языков.

Получив «троечный аттестат с несколькими четверками», девушка намеревалась и дальше «бродить по улицам, слушать музыку, просто жить».

Диана с младшим братом Антоном

«Хотелось, чтобы она в совершенстве овладела английским языком, – объясняет Галина Федченко. – Когда она уже училась в последних классах, нашли для нее такого крутого репетитора, которая ей «сделала язык», причем американское произношение. Далее логично было продолжить образование в вузе, по окончании которого просматривалась возможность уехать в США, на Аляску. Я хотела, чтобы карьера Дианы складывалась через английскую лингвистику, поскольку понимала, что это обеспечит ей твердую почву под ногами, какую бы профессию она ни выбрала. И стоит признать, что не ошиблась. Сегодня, наблюдая ее в заграничных путешествиях, радуюсь тому, как просто ей благодаря знанию языка находить там общий язык с людьми».

Мамина логика насчет «почвы» и перспектив Диану особо не возбуждала. Но предлагаемый вариант выглядел «единственным, не вызывавшим отвращения». Он хотя бы находился в сфере ее интересов: «западная литература, гуманитарные предметы, совершенствование в английском, а заодно и изучение немецкого», на такое «можно было согласиться».

Пожалуй, тогда будущая рок-звезда в последний раз подчинилась материнской воле. Дальнейшая арбенинская история – непрерывное сплетение подсознательных и осознанных действий по ускользанию от любой «руководящей и направляющей» силы – к прямо-таки кошачьей самостийности. Допустимую для себя норму компромиссов Диана, вероятно, перевыполнила ещё в юности и ранней молодости, а затем стала отыгрываться за то, к чему ее когда-то вынудили близкие люди или обстоятельства. Порой те, кто хорошо знает Арбенину, удивляются некоторым её нынешним публичным автобиографическим высказываниям, считая их утрированными или почти мифологическими. Но лидер «Ночных Снайперов» не спотыкается о такие предположения, словно следуя припеву своей песни «История», написанной летом странного для неё 2014 года: «и я пишу свою историю/собаки лают, а мне

здорово/и постоянно пахнет порохом молва/на небе все давно устроено/один и в поле будет воином/и я пишу свою историю сама».

Дальнейшая арбенинская история – непрерывное сплетение подсознательных и осознанных действий по ускользанию от любой «руководящей и направляющей» силы – к прямо-таки кошачьей самостийности.

С братом Антоном

Арбенинские «мифы и легенды» – часть сути и стиля их создательницы. Где в рассуждениях и ретроспекциях Дианы реальность переходит в фантазию, думаю, она и сама точно не обозначит. Почитайте сборник её прозы «Тильда» – он весь из таких переходов. «Совсем без легенд нельзя, – сказала мне Диана. – Хорошо, что они есть». А в прологе своей прозаической книги написала: «Неужели я всё ближе к своей мечте? Неужели у меня когда-нибудь получится окружить себя придуманным миром придуманных людей? Я так это люблю».

Замысел трудноосуществимый. В бурной судьбе Арбениной хватает вовсе неабстрактных людей, которые хотели бы кое-что в придумываемом ею мире уточнить. Прежде всего та же мама Дианы. «Один из устойчивых мифов, созданных самой Дианой, что якобы я препятствовала ее музыкальной карьере, – говорит Галина Анисимовна. – В нашем роду и в роду ее отца много людей, музыкально одаренных. Я сама когда-то мечтала стать певицей, делала успехи, но в итоге выбрала журналистику. И я надеялась, что моя дочь может унаследовать музыкальные гены. Мы с ее отцом придумали даже такой эксперимент, едва она появилась на свет. В буквальном смысле. Решили повторить опыт одной европейской семьи, о которой прочли в «Комсомольской правде». В комнате новорожденного сына та семья создала атмосферу для эстетического формирования мальчика. И мы пошли по тому же пути. Повесили в комнате картины и репродукции художников, в том числе моего любимого Микалоюса Чюрлёниса, установили проигрыватель для виниловых пластинок, и там постоянно, изо дня в день на протяжении года звучала классическая музыка. Чаще всего – «Времена года» Чайковского. Не буду утверждать, что эти наши наивные попытки уже в нежном возрасте «разбудить гены» выявили потом

ее неодолимую тягу к музыке. И потом, спустя шесть лет, для меня не было вопроса, учиться ли нашей девочке в музыкальной школе. Поэтому сейчас читать в социальных сетях упреки наиболее радикальных поклонников Дианы в том, что я «бревном легла» на пути своего талантливого ребёнка, мне и смешно, и обидно. А потом она написала первую песню и показала мне. Я спросила: «Кто это?» Она ответила: «Я». Как?! А ещё что-нибудь есть? Диана смутилась, но вскоре спела мне ещё одну собственную вещь, затем другую… Я помню эту дрожь предвосхищения настоящего таланта».

Диана с мамой – Галиной Анисимовной

Здесь мы слегка поторапливаем события. С первыми опытами самостоятельного творчества Арбенина знакомила родственников и друзей в начале 1990-х. Ни в музыкальной школе, ни вскоре после ее окончания своих песен у Дианы ещё не было. Ей хватало тех, что сочиняли другие. «Я пела много из БГ. Знала наизусть весь альбом «Равноденствие». Это, к слову, был мамин любимый альбом. Майк очень нравился. В Цоя не въезжала. Для нас он всегда был просто Цой, без героического ореола. Что-то из Шевчука исполняла, и из «Бригады С». Достаточно было».

Музыкальную школу Диана осилила примерно на том же «автопилоте», что и общеобразовательную. Без драйва и удовлетворения. Желания совершенствоваться в данном направлении у неё не было, как позднее не обнаружилось тяги и к любому институту.

«К экзаменам в «музыкалке» я готовилась за день. Заучивала, что нужно, сдавала и… уплывала в туман, – вспоминает Арбенина. – Мне советовали идти дальше – в музучилище, потому что я классно играла на пианино. Но я туда не пошла. Что, по-моему, вполне естественно. Совсем не до того было. Душа и мысли мои наполнялись другими вещами. Тогда я училась, кажется, в девятом классе, и у меня как раз случился «первый мальчик» – Женя Горбунов, который сейчас живет в Воронеже. Косвенным образом он спас меня от возможного самоубийства. Мне в то время нравился другой юноша – Дима Губкин. Но на одной из вечеринок я увидела, как он увлеченно танцует с моей

одноклассницей. Бешено его приревновала, убежала домой, причем прошла зимой через весь наш поселок в одной футболке и легкой жилетке. Легла в своей комнате на тахту, закрыла глаза и решила, что буду умирать. Спустя полчаса задумалась, а чего я в тишине-то жду финиша? Не прикольно. Включила свой маленький магнитофончик, и, пока не заиграла музыка, опять рухнула на тахту. Представь, ночь, за окном тусклый свет желтых фонарей, в доме темно. Лежу. Тут раздается низковатый мужской голос: «Дина, ты – дура!», а затем звучит «Пинк Флойд». Это Горбунов так прикололся, поскольку он мне эту кассету и записывал. У него большая фонотека была. И много западного рока, и первые альбомы «Кино», «Зоопарка», «Наутилуса Помпилиуса» он мне приносил. Женька был в меня влюблен, а я ему не отвечала взаимностью вообще. Хотя он был клёвый парень. Ну, и, видимо, этой репликой он решил обозначить свое отношение к тому, что я не понимаю его чувств. Меня это подкупило и встряхнуло. Я встала с кровати, пошла на кухню, поела борщ и расхотела прощаться с жизнью…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/margolis_mihail/redkaya-ptica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити